

НЕВИДИМКА
для *Босса*

Ольга Траф

Ольга Граф

Невидимка для босса

«Литнет»

2026

Граф О.

Невидимка для босса / О. Граф — «Литнет», 2026

Мой босс ненавидит охотниц за деньгами. Поэтому на собеседовании в кадре была не я — а тётя Люда, подруга мамы, которая обожает аферы “чисто по приколу”. Я попала к нему не за подарками — за работой. Стала его ассистенткой без лица: чат, задачи, результат. Он меня не видел ни разу. Пока мы не столкнулись в реальности — и он не начал охоту. Властно. Спокойно. Без шансов на отказ. А потом бывшая невеста устроила скандал — и ему срочно понадобилась “невеста” для репутации. И он выбрал меня. Теперь я играю его женщину... и параллельно в чате помогаю ему завоевать себя. И молюсь только об одном: чтобы он не узнал, кто на самом деле держит его жизнь в порядке.

© Граф О., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Людмила Сергеевна выходит на охоту	5
Глава 2. Работа, работа уйди на Федота	10
Глава 3. Офис	15
Глава 4. Между этажами	19
Глава 5. Экскурсия по идеальности	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1. Людмила Сергеевна выходит на охоту

У меня есть два режима.

Первый — **я всё успею, просто дайте мне кофе.**
Второй — **я всё успею, даже если кофе не дадут.**

Сегодня включился второй.

Я сижу на кухне босиком, с ноутбуком, который видел мои амбиции и мои банковские приложения. На экране — вакансии. Пальцы щёлкают по тачпаду так, будто если листать достаточно быстро, можно случайно наткнуться на кнопку “счастье: оформить доставку”.

— Ассистент... удалённо... — читаю вслух и морщусь. — Командный игрок... стрессоустойчивость... любовь к людям...

Любовь к людям у меня есть. Но дозированно. По праздникам. И строго после сна.

Я пролистываю дальше — и замираю.

**Ассистент собственника группы компаний.
Кирилл Вяземский.
Коммуникация: чат. Короткие звонки по делу.**

У меня в голове что-то делает “щёлк”.

Вяземский — это не просто фамилия. Это тот самый уровень “поработала у него — и тебя потом берут везде, даже если ты пришла без резюме, но с прямой спиной”. Про таких обычно говорят коротко: “у него порядок”. И почему-то сразу хочется выпрямиться, даже если ты сидишь одна на кухне и в носках.

Работа у него — мечта. Не про розовые свечи и “он заметил меня”. А нормальная взрослая мечта: задачи, деньги, рост, шанс вылезти из вечного режима “сейчас потерплю”.

Только вот... у мечты есть один нюанс.

Он молодых ассистенток не берёт.

Это не написано в вакансии, но это знают. И повторяют, как погодный прогноз: “к нему молодую — бесполезно”. Кто-то уверяет, что у него после бывшей невесты на любое красивое лицо рядом с собой рефлекс, как на пожарную сигнализацию. Кто-то говорит: “ему проще, когда никто не лезет к нему ближе, чем рабочая переписка”. В любом случае, шанс у меня с моим лицом — сомнительный.

А вот шанс с моими мозгами — шикарный.

Я смотрю на строчку “чат” и понимаю: это мой шанс хотя бы попытаться. В чате я могу быть идеальной. В чате я говорю коротко, по делу, без “ой” и “извините”. И главное — там не видно, как я закатываю глаза.

Я открываю форму отклика... и зависаю.

Потому что откликаться с моего аккаунта — значит сразу показать возраст. И всё. До свидания, мечта.

Телефон вибрирует на столе. Мама.

Я даже не успеваю сказать “алло”.

— Марта, ты дома? — голос у неё бодрый, как будто она уже выбрала мне судьбу.

— Дома. Что?

— Людмила Сергеевна к тебе едет.

Я прикрываю глаза.

Людмила Сергеевна — подруга мамы. Добрая, шумная, заботливая. И опасная тем, что если она решила помочь — ты либо принимаешь помощь, либо у тебя резко заканчиваются силы сопротивляться.

— Мам, я не в ресурсе...

— А она в ресурсе, — радостно отрезает мама. — Сказала: “У Марты лицо ‘сейчас буду тащить всё сама’. Не дам”. И ещё: “пусть чайник ставит”. Всё, целую.

Мама отключается.

Я снова смотрю на вакансию Вяземского и думаю: ну конечно. Конечно именно сегодня. Когда мне нужно просто тихо выжить, жизнь подсылает ко мне Людмилу Сергеевну.

Звонок в дверь раздаётся ровно в тот момент, когда я всё-таки решаю: ладно. Нажимаю “откликнуться”.

Я встаю, открываю.

На пороге стоит Людмила Сергеевна. В руках пакет, в глазах — азарт, на губах — улыбка “я уже придумала, как тебя спасти, и ты даже не спорь”.

— О-о-о, — протягивает она радостно. — Я успела. Ты ещё не успела устроить себе драму?

— Я только разогреваю, — бурчу я.

— Отлично. Тогда я на основной спектакль, — Людмила Сергеевна заходит и сразу суёт мне пакет. — Булочки, сыр, сладкое. На голодную голову ты начинаешь страдать. Мне это не надо.

— Мне надо работу.

— Так и займётся работой, — она уже шагает к кухне. — Где у тебя источник боли?

Я молча показываю на ноутбук.

Экран открыт. Вяземский светится буквами.

Людмила Сергеевна наклоняется, читает... и у неё лицо меняется так, будто она только что увидела на витрине “скидка на новую жизнь”.

— Вяземский? — выдыхает она. — Марта, ну ты... ты прям серьёзно замахнулась.

— Я и хочу серьёзно, — говорю я.

Людмила Сергеевна садится напротив и пристально смотрит на меня.

— Тогда почему ты ещё не отправила?

— Потому что он меня не возьмёт.

— С чего ты взяла?

— Потому что он молодых не берёт, — говорю я. — Это... ну... известная штука.

— Известная штука — это то, что ты умеешь работать, — отрезает она. — А остальное — разговоры.

Я вздыхаю.

— Он выбирает взрослых. Солидных. Чтобы без... лишнего.

— Лишнее — это когда человек не умеет держать язык за зубами, — Людмила Сергеевна откусывает булочку и говорит с набитым ртом, как мудрец. — А ты умеешь. Значит, вопрос решаемый.

— Как? — спрашиваю я, уже заранее чувствуя, что сейчас будет весело.

Людмила Сергеевна смотрит на ноутбук, потом на меня. И в глазах у неё вспыхивает этот азарт: “ну вот наконец-то”.

— Откликайся, — говорит она. — Но... не с твоего аккаунта.

— В смысле?

— В смысле — с моего, — она пожимает плечами. — Он хочет взрослую ассистентку? Получит взрослую. Я пройду любую проверку: паспорт, справки, анкеты — я ж не выдуманная. А работать будешь ты.

— Люда...

— Марта, я пришла помочь. Не обсуждать. И не героизмом заниматься. Ты попадёшь к Вяземскому — и через год забудешь, что такое “страшно”. Это я тебе гарантирую.

Я смотрю на неё и понимаю, что спорить бесполезно. Она не давит. Она просто... верит в меня сильнее, чем я в себя сегодня.

— Ладно, — сдаюсь я. — Но как мы будем общаться с ним? Номер-то какой? Твой?

Людмила Сергеевна уже тянется за телефоном.

— Слушай, про номер — тонкий момент, — говорит она и вдруг становится подозрительно деловой. — У меня на телефоне всё: поликлиника, домовой чат, подруги, которые звонят в самый неподходящий момент и спрашивают “ты уже видела сериал”. Это нельзя отдавать в рабочий чат Вяземскому. Он там сгорит.

Я прыскаю.

— Представляю: “Людмила Сергеевна, пришлите список партнёров”, а тебе звонит Валя: “Люд, ты где взяла такие сапоги?”

— Вот, — торжественно кивает Людмила Сергеевна. — Поэтому мы делаем так: анкета, резюме, все документы — на меня. А рабочий чат и рабочий номер — на тебя.

Я моргаю.

— А проверка?

— Проверка личности — по документам и договору, — говорит она уверенно. — А телефон... телефон — это канал связи. Мы просто скажем, что у ассистента рабочий номер. У кого его нет? У всех есть. Особенно у людей, которым платят за то, что они всегда на связи.

— И если он позвонит?

— Возьмёшь ты, — Людмила Сергеевна улыбается. — Только голос сделай спокойный. Не “Марта на грани”, а “всё под контролем”.

— А если спросит, почему не совпадает имя?

— Не спросит, если будет работать как в вакансии: чат и короткие звонки, — она поднимает палец. — И вообще: мужчины вроде Вяземского не задают лишних вопросов, когда получают результат. Они задают вопросы, когда результата нет. Так что давай не будем провоцировать.

Сказано так уверенно, что мне остаётся только кивнуть.

— Хорошо. Тогда делаем резюме на тебя, — говорю я. — И откликаемся с твоего аккаунта.

— Вот, — довольна Людмила Сергеевна. — Уже звучит как план.

И мы откликаемся: её имя, её данные, её почта. Я рядом, как суфлёр: формулировки, опыт, навыки, всё аккуратно, чтобы не было “девочка ищет приключений”. Только “взрослый человек пришёл работать”.

Через двадцать минут прилетает приглашение на видеособеседование.

Людмила Сергеевна смотрит на экран и делает лицо победителя.

— Видишь? — говорит она. — Не успела даже как следует поесть.

— Не радуйся заранее, — бурчу я. — Это Вяземский.

— Тем интереснее, — подмигивает она. — Давай, режиссёр. Собираем кадр.

Мы таскаем стул по комнате, убираем всё лишнее из фона и спорим про цветы на подоконнике.

— Цветы нельзя, — говорю я.

— Ты такая строгая, — вздыхает Людмила Сергеевна. — Всё, убираю. Но если он спросит, почему у нас дома так пусто, скажем, что мы минималисты.

— Он не спросит. Он просто отметит и пойдёт дальше, — отвечаю я и ставлю лампу так, чтобы у неё не было теней.

Людмила Сергеевна ворчит:

— Я и так хороша.

— Ты хороша. Мне надо “неубиваемая”, — шепчу я. — Он любит спокойных.

— Я спокойная, — тут же заявляет она. — Пока меня не трогают.

Я фыркаю и открываю заметки на телефоне.

— Давай прогон.

Я задаю вопросы, она отвечает. Её тянет вставить шутку, но она держится. Видно, как ей самой смешно от собственной дисциплины.

Когда на экране всплывает входящий видеозвонок, у меня в ладонях уже собралась горячая дрожь.

Я сажусь на пол сбоку. Камера — только на Людмилу Сергеевну. Всё честно: в кадре она. Документы — её. Фамилия — её. Просто связь — моя.

Он появляется в кадре.

Без улыбки. Без лишних слов. Взгляд такой, будто он проверяет качество людей по одному взгляду.

— Людмила Сергеевна, — произносит он ровно. — Слышите?

— Да, Кирилл Александрович. Добрый день.

Он не отвечает на “добрый”. Просто идёт дальше.

— Резюме видел. Сразу по делу, — говорит он. — Мне нужен ассистент. Календарь, документы, встречи, контроль задач. Удалённо. Коммуникация — чат. Звонки только если срочно. Справитесь?

— Справлюсь, — спокойно отвечает Людмила Сергеевна.

Он смотрит на неё несколько секунд, как будто примеряет. Ему достаточно того, что он видит: взрослое лицо, спокойная подача, никакой суеты.

— Кейс, — говорит он.

И даёт задачу. Людмила Сергеевна на секунду зависает — я кидаю подсказки в чат. Она читает глазами и отвечает ровно, уверенно, как будто всю жизнь разруливала чужие встречи.

Он молчит. Потом кивает.

— Нормально.

И сразу:

— Вы приняты. Начинаете сегодня. Доступы отправят. Время ответа — быстро. Ошибки — дорого.

— Поняла, — отвечает Людмила Сергеевна.

Он уже отключается, но бросает напоследок:

— Я люблю порядок.

— Тогда вам будет комфортно, Кирилл Александрович, — отвечает она мягко.

Экран гаснет.

Людмила Сергеевна поворачивается ко мне и шепчет торжествующе:

— Марта... мы его взяли.

— Это он нас взял, — хрипло смеюсь я.

— Главное — ты теперь не будешь покупать шампунь как криминальный элемент, — заявляет она и хлопает меня по плечу. — Всё. Где мой чай? Я заслужила.

Я уже тянусь к чайнику, как приходит уведомление.

Новый чат. Имя контакта — **Кирилл Вяземский**. Чёрная аватарка.

Я открываю.

Кирилл Вяземский:
Людмила Сергеевна, начинаем сейчас.
За два часа приведите в порядок мой календарь на неделю.
Нужен список людей, которых нельзя заставлять ждать.

Сразу следом:

Кирилл Вяземский:
И ещё. Я не люблю, когда меня заставляют повторять.

Людмила Сергеевна тянется к телефону:

— Я отвечу.

Я ловлю её руку.

— Не-не. Отвечаю я. Мы же договорились: рабочий номер — мой. Иначе твоя Валя уйдёт нам карьеру.

Людмила Сергеевна хихикает и откидывается на стул:

— Давай, Марта. Только без твоих язвительных улыбок. Он их по тексту чувствует.

— В переписке я образцовая, — говорю я, открываю ноутбук и расправляю плечи. — Почти.

И у меня снова включается второй режим: я всё успею, даже если кофе не дадут.

Теперь на кону Вяземский. Его порядок. Его время. И тот факт, что он думает, будто общается с Людмилой Сергеевной.

А писать ему буду я.

И если однажды он решит набрать этот рабочий номер и спросить, кто там на самом деле...
мне придётся говорить так, чтобы он не услышал улыбку.

Сохраняй книгу, чтобы не потерять!

Добро пожаловать в цикл **«Переполюх в офисе»**! Здесь вас ждут властные боссы, дерзкие героини, служебные войны, фиктивные отношения и любовь, которая начинается совсем не по регламенту. Все книги цикла самостоятельные и читаются отдельно.

Глава 2. Работа, работа уйди на Федота

Секрет богатых мужчин прост.

Они умеют делать вид, что дедлайн — это не дедлайн, а форма жизни. Дышишь, ешь, спишь — и параллельно “нужно было вчера”.

У Вяземского это вообще не секрет. Это религия.

На экране висит его сообщение — сухое, короткое, как пощёчина без замаха:

Кирилл Вяземский:
Людмила Сергеевна, начинаем сейчас.
Два часа. Календарь на неделю.
Список людей, которых нельзя заставлять ждать.

И следом — контрольный выстрел, чтобы я не вздумала быть человеком:

Кирилл Вяземский:
Я не люблю, когда меня заставляют повторять.

Я смотрю на текст и чувствую, как во мне включается тот самый режим, когда мозг перестаёт ныть и начинает работать. Без капризов. Без жалости.

— Он всегда такой? — Людмила Сергеевна заглядывает мне через плечо и улыбается так, будто мы сейчас не будем спасать мою жизнь, а будем смотреть комедию.

— Он всегда такой, — отвечаю я. — Это же Вяземский. Он даже “добрый день” наверное говорит только по решению совета директоров.

Людмила Сергеевна ставит мне чай и булочку, будто я сейчас на фронт.

— Ешь. Сначала топливо, потом героизм.

— Мне бы кофе.

— Кофе потом. Сейчас ты будешь легендой.

Легендой я быть не планировала. Я планировала спокойно жить и покупать шампунь без внутреннего суда. Но ладно. Раз уж судьба решила, что я должна выживать красиво — выживаем.

Я набираю ответ. Спокойно. Коротко. Так, как будто мне не хочется вцепиться в экран зубами.

Людмила Сергеевна:
Приняла. Будет в срок.

Отправляю. Ставлю таймер на два часа. На всякий случай. Чтобы помнить, что время существует. В отличие от моего спокойствия.

Открываю календарь.

И на секунду просто молчу.

Потому что если бы бардак был валютой, Вяземский мог бы не работать вообще.

Встречи наклеплены одна на другую, как объявления на подъезде. Перемещения — магические. В девять утра он в одном конце города, в девять тридцать в другом, в десять — где-то в третьем измерении. Между ними стоит “окно” на четыре минуты. Наверное, это время, когда он успевает стать ещё богаче.

— Ну? — Людмила Сергеевна присаживается рядом. — Порядочек?

— Порядочек, — киваю я. — Просто он спрятался. Где-то глубоко. Видишь, вот тут, между невозможным и бессмысленным.

Людмила Сергеевна прыскает.

— Марта, ты не злишь. Богатые тоже люди.

— Не уверена, — бурчу я, уже перетаскивая блоки. — Люди хотя бы иногда ходят в туалет. А у него тут только сделки.

Я начинаю резать хаос на аккуратные куски.

Сдвигаю встречи, вставляю буферы, выкидываю дубли, ставлю подтверждения. Перепроверяю адреса. Убираю “созвон” там, где он сам написал “созвоны не люблю”. Добавляю нормальные окна, потому что даже Вяземскому иногда надо просто доехать и не убить человека взглядом по дороге.

С каждым движением становится легче. Не мне — календарю. Мне-то легко не положено.

Через сорок минут расписание уже не выглядит как издевательство. Через час — почти красиво. Через час десять — я ловлю себя на том, что мне... нравится.

Нравится, когда ты берёшь чужой хаос и превращаешь его в порядок, как будто ты шаман. Только вместо бубна — тачпад. Вместо духов — люди, которые не умеют планировать.

— Ты улыбаешься, — сообщает Людмила Сергеевна с осторожностью, будто улыбаюсь я не часто и это может быть симптомом.

— Я представляю, как он это откроет и впервые за год не захочет уволить половину человечества, — отвечаю я.

— Марта, ты слишком много думаешь про его увольнение, — вздыхает она. — Ты бы лучше думала про свою зарплату.

— Я и думаю. Именно поэтому я сейчас делаю его календарь так, будто от этого зависит моя жизнь.

Людмила Сергеевна кивает с уважением.

— А от чего ещё?

Я заканчиваю, пробегаю глазами. Всё ровно. Всё логично. Всё... почти человеческое.

Пишу Вяземскому короткий итог. Без лишних слов, потому что лишние слова он, видимо, коллекционирует только чтобы потом сжечь.

Людмила Сергеевна: Календарь выстроен на неделю: убраны пересечения, добавлены буферы на дорогу, ключевые встречи подтверждены. Конфликтные точки отметила.

Секунда. Две. Три.

Ответ прилетает быстро.

Кирилл Вяземский: Вижу. Хорошо. Теперь список людей.

Людмила Сергеевна радостно поднимает брови.

— Хорошо! Он сказал хорошо!

— Это не “хорошо”, — говорю я. — Это “теперь ты моя”. Дальше будет весело.

— Марта, не драматизируй.

— Я не драматизирую. Я наблюдаю.

Открываю вторую задачу.

“Людей, которых нельзя заставлять ждать” — формулировка простая, но у таких мужчин за простой формулировкой всегда спрятано: “а давай посмотрим, как ты думаешь”.

Я собираю список. Не слишком длинный. Не слишком короткий. С акцентом на тех, от кого реально зависит его день: служба безопасности, главный юрист, пара крупных партнёров, подрядчик, который любит внезапно “мы не успеваем”.

И там же — короткое имя, как заноза.

Анна.

Я не спрашиваю вслух. Людмила Сергеевна всё равно спросит.

— Анна — это кто? — она произносит имя с таким удовольствием, будто это не человек, а сериал.

— Это не кто. Это когда лучше не задавать вопросы, — отвечаю я.

— Мне нравится, как ты говоришь “лучше не задавать вопросы”, — улыбается Людмила Сергеевна. — Я сразу понимаю, что надо задавать.

— Люда.

— Молчу, — она делает вид, что застёгивает рот на молнию. Молния держится секунд десять.

Я отправляю Вяземскому список коротко и по делу.

Людмила Сергеевна: Нельзя заставлять ждать: СБ — вход/доступы/риски. Юрист — договоры/сроки/штрафы. Партнёр П. — переносы воспринимает как

неуважение.
Подрядчик М. — подтверждать заранее, любит менять условия.
Анна — приоритет по времени.

Ответ снова мгновенный.

Кирилл Вяземский:
Верно.
Анна — приоритет.
Перенесите встречу с П. на завтра. Без конфликта.

Людмила Сергеевна прикрывает рот ладонью.

— “Без конфликта”. Он волшебник.

— Он оптимист, — отвечаю я. — И вот это реально страшно.

Партнёр П. из тех, кто любит, когда его уговаривают. Они питаются просьбами. У них от слова “пожалуйста” поднимается самооценка и падает продуктивность.

Я открываю контакты, набираю сообщение, и пальцы сами выбирают тон. Вежливо. Жёстко. Без сладкого сиропа. Я не прошу — я предлагаю два выхода, оба из которых ему выгоднее, чем истерика.

Людмила Сергеевна:
Добрый день. Переносим встречу на завтра 12:30. Повестку уточнили, нужен другой формат. Подтвердите, пожалуйста.

Людмила Сергеевна сразу оживает:

— О! Ты написала “пожалуйста”! Вот видишь, у тебя есть душа.

— У меня есть стратегия, — отвечаю я. — Душа у меня сегодня в отпуске.

Ответ приходит ожидаемо.

Партнёр П.:
Мы договаривались на сегодня. Завтра у меня плотный день.

Я улыбаюсь. Спокойно. Даже приятно.

Людмила Сергеевна:
Понимаю. Тогда выбирайте:
завтра 12:30 или перенос на следующую неделю.
Сегодня не оставляем.

Людмила Сергеевна тихо свистит, будто увидела трюк.

— Ты опасная.

— Я эффективная.

Через минуту:

Партнёр П.:
Ладно. Завтра 12:30 подтверждаю.

Я кидаю Вяземскому короткое сообщение.

Людмила Сергеевна:
П. подтвердил завтра 12:30.

Кирилл Вяземский:
Хорошо.

И всё. Никакой радости. Никакого “отличная работа”. Он просто фиксирует: работает. Зато дальше прилетает пачка задач. Одна за другой. Как будто он наконец нашёл человека, которому можно скинуть половину мира и не получать взамен нытьё.

“Согласовать”. “Уточнить”. “Подготовить”. “Проверить”. “Напомнить”.

Я делаю. Быстро. Ровно. На автомате.

Людмила Сергеевна периодически подаёт мне чай и шепчет комментарии, как спортивный комментатор:

— Молодец. Ещё. Держи темп. Не моргай. Дыши. Это важно.

— Я дышу, — бурчу я.

— Ты дышишь так, будто сейчас укусишь монитор.

— Мне нельзя кусать монитор. Он не мой.

Людмила Сергеевна смеётся и гладит меня по плечу.

— Вот видишь. Уже мыслишь как взрослая женщина.

— Не называй это взрослением, — отвечаю я. — Это называется выживанием.

Где-то на середине этого потока Вяземский вдруг звонит. Коротко. Без предупреждений. Как будто это нормально — просто взять и вторгнуться в твою реальность.

На экране имя. И у меня внутри всё собирается в один комок: сейчас главное не выдать, что я — не женщина с пиджаком, а девушка в носках, которая держится на сарказме и кофе, которого всё ещё нет.

Я беру трубку.

— Слушаю.

— Людмила Сергеевна, — голос ровный, без приветствий. — Где П. завтра?

— Офис на Новой площади. Переговорная два. Я поставила буфер после предыдущей встречи, успеете.

Пауза. Он слушает не слова, а уверенность.

— Хорошо, — говорит он. — Действуйте дальше.

И уже собирается отключиться, но добавляет, будто невзначай:

— Вы работаете быстро.

Вот и всё. Никаких эмоций. Но почему-то у меня внутри всё равно щёлкает: он доволен. Он реально успокоился. “Нормальная женщина”. “Сильная”. “Адекватная”. Можно доверять.

Это даже приятно. В каком-то извращённом смысле.

Я успеваю сказать только:

— Приняла.

Звонок обрывается.

Людмила Сергеевна делает беззвучные аплодисменты, как будто мы на премии.

— Он тебя уважает! — шепчет она.

— Он уважает скорость, — отвечаю я. — Но да. Пусть так.

Мы добиваем оставшиеся задачи, и ровно тогда, когда я начинаю верить, что сегодня нас больше не тронут, приходит новое сообщение от Вяземского.

Короткое. Спокойное. Обычное.

И от этого — хуже.

Кирилл Вяземский:
На сегодня достаточно.
Завтра 10:00 — офис. Оформление. Анкета. СБ. Подписание. Лично.
Опоздания не принимаю.

Людмила Сергеевна заглядывает мне через плечо и сияет так, будто это приглашение на бал.

— Ну всё, — говорит она сладко. — Завтра ты идёшь в большую жизнь.

— Завтра я иду в большую проверку, — отвечаю я.

— Марта, это просто оформление. У него всё должно быть официально.

— У него всё должно быть под контролем, — поправляю я. — А завтра контроль будет смотреть на нас в упор.

Людмила Сергеевна тянется к своему пиджаку, как к броне.

— Ничего. Я спокойная.

— Ты спокойная ровно до момента, когда охранник попросит паспорт, — говорю я.

— Паспорт у меня всегда... — начинает она и тут же, как назло, замолкает.

Я поднимаю голову.

— У тебя что?

— А... — Людмила Сергеевна делает вид, что очень занята булочкой. — Паспорт... он... ну...

Я уже собираюсь сказать что-нибудь очень ласковое и очень нехорошее, как прилетает ещё одно сообщение от Вяземского. Следом. Без паузы. Как будто он решил добить день окончательно.

Кирилл Вяземский:
И ещё. Пришлите сегодня фото на пропуск и скан паспорта. СБ ждёт.

Я смотрю на экран.

Потом на Людмилу Сергеевну.

Потом снова на экран.

Людмила Сергеевна улыбается виновато. Слишком виновато для человека, который минуту назад говорил “паспорт у меня всегда”.

— Марта... — начинает она.

— Люда, — говорю я очень тихо, очень спокойно, потому что если я сейчас скажу громко, у нас в подъезде осыпется штукатурка. — Где твой паспорт.

Людмила Сергеевна моргает.

— Мне кажется... — она медленно произносит, как будто вспоминает не паспорт, а прошлую жизнь. — Он в другой сумке.

— В какой.

— В той, с которой я вчера... — она машет рукой в неопределённость, — в общем, не здесь.

Я снова смотрю на сообщение Вяземского. “Сегодня”. “СБ ждёт”.

И понимаю, что вот оно — первое настоящее напряжение.

Потому что завтра он увидит её.

А сегодня мне нужно за час добыть паспорт взрослой женщины, которая пришла помогать “от души”, и при этом не сойти с ума.

Я медленно выдыхаю, открываю чат и ставлю палец над клавиатурой.

И думаю только одно:
главное — не написать ему то, что я сейчас хочу написать.

Если любите истории о служебных войнах, обязательно загляните в **«До лета не влюбляться в босса»**. Она составила список желаний, но первым его прочитал... её босс.

Глава 3. Офис

Вчера мы доползли до дедлайна, как люди после корпоратива: вроде на ногах, но уже на честном слове и лёгком головокружении.

Паспорт нашёлся. Фото получилось — не шедевр, но жить можно. Скан улетел в службу безопасности ровно в тот момент, когда я уже всерьёз начала подозревать принтер в измене с метаболизмом. Он так долго думал, так мучительно переваривал каждую страницу, что я успела выучить наизусть все трещины на потолке.

В почте висело одно бодрящее слово: *принято*.

То самое, после которого хочется выдохнуть... и сразу же перестать выдыхать, потому что впереди офис Вяземского. А там даже воздух, говорят, на входе проверяют.

Людмила Сергеевна с утра была прекрасна. Пиджак — как броня, волосы — как реклама спокойной жизни, взгляд — ровный и уверенный. Она выглядела так, будто сейчас не проверку проходит, а оформляет себе новую власть. Я бы купила её курс «Как быть иконой спокойствия в любой ситуации».

Я шла рядом и делала вид, что я просто человек, который случайно оказался здесь по дороге за хлебом. Никаких нервов. Никаких вчерашних приключений с фотоаппаратом, который решил, что он художник, а не техника. Просто Марта. Просто сопровождаю. Просто сейчас всё закончится, и я выдохну.

Офис встретил нас стеклом, металлом и людьми с бейджами, которые перемещаются быстро и почти бесшумно. Тут даже шаги звучали дорого. Как будто каждый шаг — это инвестиция.

Людмила Сергеевна огляделась и шепнула с уважением:

— Красота. Тут, наверное, даже кофе пьёт себя сам.

— Ага, — шепнула я. — И сам же подписывает акт выполненных работ. И отчитывается перед налоговой.

Она фыркнула, но виду не подала.

На проходной всё шло прилично: рамка, паспорт, кивок, взгляд охранника, который, кажется, вообще не моргает из принципа. У него на лице было написано: «Я видел такое, что тебе и не снилось, и мне за это не доплачивают».

Людмила Сергеевна держалась спокойно, отвечала коротко, не суетилась. Её не хотелось жалеть. Её хотелось ставить во главе отдела. Я бы пошла за ней в разведку. И за хлебом — тоже.

Меня заметили ближе к концу, чисто для галочки.

— Вы с ней? — спросил охранник, скользнув взглядом по моей папке. Взгляд был такой, будто я могу оказаться бомбой замедленного действия.

Людмила Сергеевна ответила за меня, даже не повернувшись:

— Да. Со мной.

И всё. Я сразу стала чем-то вроде ручной клади. Отлично. Чем меньше на меня смотрят, тем безопаснее мне жить. Ручная кладь не вызывает подозрений. Ручная кладь просто стоит в углу.

— Ждите в холле, — махнул охранник.

Я прошла к дивану у окна и села. Диван выглядел так, будто стоит больше, чем мой месячный покой. На таких не разваливаются. На таких сидят, как будто тебя сейчас будут фотографировать для отчёта о корпоративной культуре. Спина прямая, ноги вместе, улыбка вежливая.

Я достала телефон, открыла почту, ещё раз проверила письмо СБ. Всё на месте. Всё как надо. Даже придаться не к чему.

И, конечно, именно в эту минуту в холле началась классика.

Никакой драмы. Просто офисное болото: система не видит заявку, ресепшен разводит руками, охрана говорит подождите, HR занят. Всё как мы любим. Идеальный механизм, который иногда заедает на ровном месте.

Девушка за стойкой уткнулась в монитор и делала вид, что это не она потеряла заявку, а заявка потеряла её. Охранник рядом держал выражение лица человека, который отвечает только за то, чтобы дверь открывалась и закрывалась. Остальное — не его зона ответственности. Мужчина в костюме неподалёку нервно трогал часы. Не смотрел на них. Трогал. Как будто хотел убедиться, что время ещё живое и не сбежало в обеденный перерыв без него.

Я сначала честно пыталась быть невидимой. Очень старалась. Смотрела в телефон, делала вид, что читаю что-то важное. Но краем глаза видела, как ситуация зависает всё глубже.

Потом увидела папку Людмилы Сергеевны на стойке. Её положили и забыли — потому что система решила обидеться на жизнь. Папка лежала сиротливо, никому не нужная, как прошлогодний календарь.

И тут у меня внутри щёлкнуло: если сейчас всё зависнет, нас отправят ждать. А ждать здесь — это как платить штраф за чужую ошибку. И штраф потом почему-то всегда прилетает тебе. И никого не волнует, что ты не виноват.

Я встала и подошла ближе. Не театрально. Просто шагнула туда, где застряло.

— А вы ищете заявку по фамилии или по номеру письма? — спросила я, наклонившись чуть ближе, чтобы не орать на весь холл.

Девушка оторвалась от монитора и посмотрела на меня с лёгким раздражением. Такое, знаешь, чисто офисное: почему вы вообще здесь дышите, у меня и так работы много.

— По фамилии. Но её нет.

— Поняла, — кивнула я и уже открыла почту. — Письмо от службы безопасности вчера в девять семадцать. В теме номер заявки. Можно по нему.

Я показала экран. Без лишних комментариев. Просто факт. Вот письмо. Вот номер. Вот время. Вот отправитель. Никакой магии. Никакой лишней информации.

Она наклонилась, пробежала глазами — и её пальцы внезапно ожили. Как будто им наконец дали разрешение работать.

Охранник перестал изображать скалу и даже моргнул пару раз. Мужчина с часами отпустил ремешок и даже перестал хмуриться так, будто его кинули на деньги.

— Так... да... — девушка быстро застучала по клавиатуре. — Сейчас... ага.

Ещё пара кликов — и на её лице появилось это редкое офисное выражение: оказывается, всё можно было решить. И даже быстро.

— Нашла. Проход согласован.

Я кивнула.

— Отлично, спасибо.

И отошла обратно. Как будто меня тут вообще не было. Как будто я просто мимо проходила. Случайно.

Всё. Минуты хватило. Холл снова стал гладким, приличным и уверенным в себе. Люди снова пошли по своим траекториям, ресепшен перестал страдать, охрана вернулась в режим охраны, мужчина с часами перестал мысленно убивать всех вокруг.

Я вернулась на диван. Попыталась снова быть мебелью. Мебелью из хорошего каталога.

И тут я почувствовала, как меняется воздух.

Не шумом. Не голосами. Просто люди вокруг на секунду собрались, движения стали аккуратнее, лица — внимательнее. Как будто кто-то вошёл и пространство само сказало: все ведём себя прилично.

Я подняла глаза.

Через холл шёл Вяземский.

Вживую он был не фотографией из новостей и не красивым лицом на рейтингах. Вживую он был слишком собранным. Слишком спокойным. Такой человек даже не кажется злым. Он кажется тем, кто никогда не позволяет себе быть слабым — и за это слабых не любит.

Он не спешил. Он просто шёл так, будто всё вокруг работает в его ритме. И этот ритм никто не смеет нарушать.

Мимо стойки прошёл, не остановившись. Но взглядом — коротким, точным — прошёлся по всему: ресепшен, охрана, люди, и я на диване.

Не любопытство. Не интерес. Просто внимание, которое отмечает детали и складывает их куда-то внутрь. В свою базу данных.

У меня на секунду стало неприятно холодно в животе. Как будто меня просветили рентгеном и нашли то, что я прячу.

Я тут же уставилась в телефон, будто там можно спрятаться. Будто экран смартфона — это щит от таких взглядов.

Людмила Сергеевна любит говорить, что на таких мужчин надо смотреть как на погоду. Сегодня шторм, завтра прояснит. Смешно. Погода хотя бы не запоминает лица и не ставит галочки в голове. А этот запомнит. И поставит.

Минут через десять Людмилу Сергеевну вывели из коридора. Она шла уверенно, папка под мышкой, взгляд довольный. Прямо как человек, который только что подписал мирный договор на выгодных условиях.

— Ну? — спросила я.

— Всё нормально, — сказала она. — Приняли. Временный проход дали. Завтра оригиналы.

— Поздравляю, ты официально безопасна, — пробормотала я. — Теперь можно спать спокойно.

Людмила Сергеевна засмеялась и тут же наклонилась ко мне, как заговорщица:

— Ты его видела?

— Видела.

— Красивый.

— Опасный, — ответила я автоматически.

— Марта, — Людмила Сергеевна улыбнулась так, будто ей нравится меня провоцировать.

— Он на тебя даже не посмотрел.

— Посмотрел, — сказала я тихо.

— И что?

— Ничего, — выдохнула я и сама почувствовала, как слово звучит неправдоподобно.

Потому что когда человеку всё равно — он проходит мимо, и всё. А Вяземский выглядел так, будто в его голове ничего не бывает просто так. У него даже дыхание, наверное, подчинено графику.

Мы пошли к лифтам.

У лифтов было зеркально и тихо. Эти зеркала всегда показывают тебе лицо так честно, будто у них контракт с совестью. Я посмотрела на себя: нормально. Спокойно. Только в глазах что-то мелькает.

Людмила Сергеевна нажала кнопку вниз.

— Домой, — сказала она.

И сразу же её окликнули:

— Людмила Сергеевна! Одну подпись, пожалуйста!

— Сейчас, — она обернулась ко мне. — Марта, стой у лифта. Я на минуту.

— Конечно, — сказала я. — Я тут умею стоять. Это мой скрытый талант. Могу стоять часами. Кактусы отдыхают.

Она ушла, и её минута, как и все офисные минуты, расплзлась во времени. Я осталась одна. Нажала кнопку ещё раз — чисто из вредности — и уставилась на двери лифта, как на выход в нормальную жизнь.

Двери открылись.

Я шагнула внутрь.

И вместе со мной внутрь шагнул кто-то ещё.

Ровно, уверенно, без суеты. С таким спокойным звуком шагов, что у меня сразу появилось желание стать ещё тише, чем я умею.

Я подняла глаза.

Вяземский.

Двери закрылись.

Мы остались вдвоём в этой стеклянной коробке, где даже воздух, кажется, находится на испытательном сроке. И этот срок он, похоже, не проходит.

У меня сердце провалилось вниз быстрее лифта и там застряло. Где-то на уровне пятого этажа.

Я смотрела на панель с кнопками так, будто собиралась сдавать по ней зачёт. Единица, двойка, тройка — я знаю это лучше, чем таблицу умножения. Он стоял рядом — не слишком близко, но достаточно, чтобы мне хотелось выйти сквозь зеркало. Прямо в стену, как в фильмах ужасов.

Лифт ехал вниз, а тишина внутри была тяжёлая и уверенная. Такая тишина не просит. Она приказывает.

Я чувствовала его присутствие каждой клеткой. Запах — сандал, бергамот, что-то дорогое и очень мужское. Дыхание — ровное, спокойное, как у человека, который никогда не нервничает. Даже когда мир вокруг рушится.

Он повернул голову. Посмотрел на меня коротко, будто узнавал часть картинки из холла. Будто сверял с данными.

И спросил ровным голосом:

— Это вы?

Глава 4. Между этажами

— Это вы?

Вяземский произнёс это так спокойно, будто уточнял номер кабинета. А у меня внутри щёлкнуло всё сразу — не ресепшен, не стойка, не холл.

Наш цирк.

Документы. СБ. Чужое лицо в кадре. И мысль, от которой хочется стать стеной: если он сейчас про это, то дальше можно не разговаривать — можно сразу искать адвоката и новый город.

Я успела только держать лицо — и лифт дёрнулся.

Грубо. Без предупреждений. Свет мигнул и тут же стал аварийным, таким, от которого любая кожа выглядит подозрительно честно. Кабина замерла между этажами, как будто решила: хотите идеальность — поговорите сначала.

Вяземский не вздрогнул. Не пикнул. Даже ресницы, кажется, не шевельнулись. Он просто мгновенно стал ещё более Вяземским.

Пальцы — на панель. Раз. Два. Три. Открыть. Закрыть. Ноль. Он нажимал так, будто лифт обязан вспомнить его фамилию и испугаться.

Телефон он достал быстро, посмотрел на экран. Ноль полосок. Проверил ещё раз — без надежды, чисто из принципа.

Я проверила свой. У меня тоже ноль. Лифт, видимо, решил, что связь — это только для тех, кто не застревает.

Вяземский нажал аварийную кнопку.

Сначала ничего. Потом динамик хрипнул, как человек, которого разбудили в выходной.

— Да... алло...

— Лифт встал, — сказал Вяземский. — Кабина. Связи нет.

— Сек... мы... щас...

— Быстро, — отрезал он.

Он сказал это не громко. Просто так, что слово не обсуждается. И я бы не удивилась, если бы где-то внизу техник уже бежал, даже если до этого сидел.

Вяземский убрал руку от панели и повернулся ко мне. Теперь — целиком. Не краем зрения. Не вскользь.

— Это вы? — повторил он.

И у меня на секунду снова проскочило: всё, сейчас. Сейчас он скажет “Людмила Сергеевна” и посмотрит так, что стены станут прозрачными.

Я не дала себе время додумать.

— Уточните, — сказала я ровно. — Я хочу понимать, в чём меня обвиняют.

Он даже бровью не повёл. Только взгляд стал холоднее.

— На ресепшене, — сказал он. — Это вы вмешались?

Я выдохнула беззвучно. Не расслабилась — просто перестала падать в пропасть.

— Я, — ответила я. — Если вы про тот момент, когда у вас там все смотрели в монитор, как в магический шар.

— Зачем? — спросил он.

Вот тут в голосе уже было то самое: раздражение на ровной полке. Как будто в его мире никто не делает лишних движений без разрешения.

— Потому что письмо было под носом, — сказала я. — А время у вас, судя по лицам, стоит дорого. Не хотела, чтобы оно умирало при свидетелях.

Он посмотрел на меня так, будто пытался понять: я из тех, кто сейчас начнёт кокетничать, или из тех, кто просто... такой.

— Вы здесь работаете? — спросил он.

Опасный вопрос. Не потому что я боюсь. Потому что любое его “вы” звучит как проверка.

— Нет, — ответила я. — Я сопровождаю человека на оформление. Жду в холле. Должна была молчать и украшать ваш диван.

— Не получилось, — сухо сказал он.

— Диван не выдержал, — пожала я плечом. — Он дорогой. Ему тяжело смотреть, как люди делают вид, что ничего нельзя сделать.

Вяземский резко перевёл взгляд на двери лифта, снова нажал кнопку “открыть”. Ноль. Упрямое, наглое “ноль”.

Его это бесило. Очень. И он бесился красиво: не роняя себя, а сжимая раздражение внутри так, что оно становилось почти физическим.

— Здесь не должно зависать, — сказал он.

Я посмотрела на аварийный свет.

— Вижу. Всё идёт по плану.

Он повернулся ко мне медленно, как будто выбирал: поставить меня на место или продолжить разговор, который ему, очевидно, не нравится — но почему-то затягивает.

— Вы всегда так разговариваете? — спросил он.

— С лифтами — нет, — сказала я. — Они обычно не отвечают.

У него дёрнулся уголок губ. Микро. И тут же пропал, как будто эмоции у него проходят согласование.

— Вы дерзите, — сказал он.

— Я констатирую, — поправила я. — Дерзить — это когда без фактов. А тут факты висят вместе с нами.

Вяземский снова нажал интерком.

— Сколько времени? — спросил он в динамик.

— Мы... уже... техник...

— Три минуты, — сказал он.

На том конце повисла пауза, в которой слышно было, как кто-то переоценивает свою жизнь.

— Поняли, — наконец пробормотали.

Вяземский убрал руку и посмотрел на меня так, будто внезапно вспомнил, что в лифте есть лишний элемент.

— Вы вмешались в процесс, который не ваш, — сказал он. — Это риск.

— В вашем холле риск — это ждать, — ответила я. — Там человек с папкой уже начал стареть.

Он чуть наклонил голову.

— Вы считаете моих сотрудников некомпетентными?

— Я считаю, что у них очень сильный талант: стоять и выглядеть занятыми, — сказала я. — И вы этот талант отлично финансируете.

Вот тут он на секунду действительно... офигел. Не показательно — просто на долю мгновения в глазах мелькнуло удивление. Как будто мир сделал шаг в сторону от привычного сценария.

— Вы понимаете, с кем разговариваете? — спросил он тихо.

И вот это было уже интереснее. Не угроза. Проверка. Он ждал, что я начну юлить. Смеяться. Извиняться. Любую нормальную реакцию.

Я подняла бровь.

— С человеком, который застрял в своём лифте, — сказала я. — Если хотите, могу обратиться к вам торжественнее. Это поможет кабине поехать?

Он смотрел на меня долго. Слишком долго для случайного разговора. И это было уже не просто раздражение.

Это была попытка понять, что со мной не так.

— Вы не пытаетесь понравиться, — произнёс он.

— А должна? — спросила я спокойно.

Он не ответил. И в этом молчании было сразу два слоя: его бесит, что я не играю по правилам, и его цепляет, что я не играю вообще.

Лифт снова щёлкнул где-то сверху. Кабину слегка тряхнуло — будто ей стало скучно без драмы.

Вяземский на это даже не посмотрел. Он смотрел на меня.

— Вы всегда вмешиваетесь, когда видите проблему? — спросил он.

— Если могу решить за минуту — да, — ответила я. — Если не могу — делаю вид, что проблемы нет, как ваши сотрудники.

Он резко выдохнул — не смех, но что-то очень близкое к нему, запретное.

— Вы сейчас серьёзно?

— К сожалению, да, — сказала я. — Я тоже предпочла бы быть красивой легендой. Но живу в реальности.

Он снова нажал кнопку “открыть”. Ноль.

— Вы любите говорить, — заметил он.

— Я люблю, когда лифт едет, — парировала я. — Тогда можно молчать.

В динамике зашуршало:

— Сейчас... стойте... не дергайтесь...

— Мы не дергаемся, — сказал Вяземский.

Я посмотрела на потолок.

— Лифт дергается. Мы просто внутри, — добавила я как будто между делом.

И вот тут он повернул голову на меня так, как смотрят на человека, который не должен существовать в твоём офисе — но почему-то существует и ещё умудряется быть смешным.

— Вы мне мешаете, — сказал он.

— Я вам украшаю форс-мажор, — поправила я. — Согласитесь, было бы скучно застрять одному. Вы бы начали разговаривать с кнопками.

Он сделал шаг чуть ближе. Совсем немного — но в лифте это “совсем немного” превращается в “слишком”.

— Вы знаете, что в моём офисе дисциплина? — тихо сказал он.

— Я заметила, — ответила я. — Она там лежит рядом со связью. Тоже не ловит.

Вяземский замер. И я поймала тот самый момент: раздражение у него уже не только на лифт и не только на сотрудников. Раздражение на меня.

И интерес тоже на меня.

Это ощущалось странно, как будто ты стоишь в огне, но красиво.

Лифт тряхнуло сильнее.

Я пошатнулась — не в киношном стиле, без грации и без романтики. Просто нога поехала, потому что я стояла, как человек, который делает вид, что ему всё равно.

Вяземский поймал меня мгновенно.

Ладонь на талии — жёстко, уверенно. Не “ой, извините”, а “стоять”. И вот это “стоять” оказалось горячее, чем ему бы хотелось признавать.

Он удержал меня так близко, что я почувствовала его дыхание боком. Тёплое. Спокойное. Контрольное. И рука — не просто держит, а фиксирует, будто я предмет, который нельзя уронить.

Секунда. Вторая — уже лишняя.

Он отпустил чуть позже, чем нужно.

Я выпрямилась, отступила на полшага, вытащила из воздуха своё обычное нахальство и сказала сухо:

— Спасибо. Приятно знать, что в вашем офисе даже падения контролируются лично.

Вяземский посмотрел на меня сверху вниз так, будто я сейчас предложила ему улыбнуться для корпоративного фото.

— Вы невыносимы, — сказал он.

— Это я ещё молчу о техническом состоянии вашей легенды, — ответила я. — Берегу ваши нервы.

Он наклонился чуть ближе. Так близко, что это уже нельзя было списать на тесный лифт. Это было намерение.

— Вы думаете, я не замечаю, что вы делаете? — тихо спросил он.

— А я делаю что-то? — спросила я так же тихо, не отводя взгляд.

Пауза натянулась. В ней было всё: раздражение, интерес, и то, что он привык, что паузой управляет он. А теперь пауза управляла нами обоими.

В динамике наконец зазвучало победное:

— Открываем... стойте... дверь отжимаем...

Двери дрогнули, скрипнули и разъехались. В кабину ворвался холл — шумный, нормальный, с воздухом, который не пах аварией.

Вяземский вышел первым. Не потому что “мужчина должен”. Потому что он всегда первый — даже из ситуаций, где ему только что напомнили, что он тоже человек.

Техник что-то бормотал, охрана извинялась, ресепшен делал лица “мы вообще ни при чём”.

— Исправьте, — коротко сказал Вяземский. И пошёл дальше.

Как будто ничего не было. Как будто не он стоял между этажами и держал меня за талию так, будто это часть его должностной инструкции.

Я уже почти растворилась в толпе — и тут услышала:

— Марта!

Громко. Резко. На весь холл.

Я обернулась.

Та женщина, которую я ждала, стояла у стойки с папкой и выражением лица “я сейчас устрою вам всем проверку, но сначала обниму”.

И вот тут Вяземский, проходя мимо, на долю секунды замедлился.

Имя он услышал. Зацепил. Запомнил. Я это почувствовала так же отчётливо, как минуту назад его руку.

Он ничего не сказал. Только посмотрел на меня ещё раз — коротко, цепко — и ушёл.

Женщина подошла ближе, выдохнула:

— Ты где была?!

— В экскурсии по инженерным чудесам, — ответила я. — Потом расскажу.

Телефон в руке наконец ожил. Связь вернулась, как ни в чём не бывало.

И в чате, где Вяземский думал, что пишет Людмиле Сергеевне, всплыло одно сообщение.

Кирилл Вяземский:
Кто такая Марта?

Сохраняй книгу, чтобы не потерять!

♥# Если вам нравится эта история, не пропустите роман «Укрощение строптивого босса». После одной случайной ночи героиня узнаёт, что мужчина, которого она теперь ненавидит, — её новый генеральный директор.

Глава 5. Экскурсия по идеальности

Кирилл Вяземский:
Кто такая Марта?

Экран светился спокойно. Вопрос — тоже спокойный. А у меня внутри стало тесно, как в том самом лифте.

Я смотрела на эти три слова и понимала одну вещь: сейчас мне надо быть Людмилой Сергее

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.